

16 (29) июля

Священномученики
Иаков (Маскаев),
архиепископ Барнаульский,
Петр Гаврилов и Иоанн Можирин
и преподобномученик
Феодор (Никитин)

Священномученик Иаков родился 23 октября¹ 1879 года в городе Уральске Уральской области в семье крестьянина Ивана Маскаева и в крещении был наречен Иаковом в честь апостола Иакова Алфеева. Во время обучения в Оренбургской духовной семинарии он женился на девице Валентине, круглой сироте, воспитывавшейся в семье священника. По окончании в 1901 году семинарии Иаков был рукоположен во священника ко храму Казанской иконы Божией Матери в селе Зобове Оренбургского уезда². В том же году у них родился сын, которого они назвали Борисом. Через некоторое время, когда младенцу было два года, он смертельно заболел, и отец Иаков стал горячо молиться о его выздоровлении. Он обращался в своих молитвах за помощью ко многим святым, но особенно горячо и с большой верой к преподобному Серафиму Саровскому, дав обет, что, если младенец выздоровеет, он совершит паломничество в Саровский монастырь к мощам только что прославленного угодника Божия. По чудесном выздоровлении сына он исполнил обет и совершил паломничество в Саровский монастырь. Впоследствии у них с супругой родилось девять детей, Валентина умерла при родах последнего ребенка в 1918 году.

Отец Иаков зарекомендовал себя как энергичный труженик на ниве Христовой; его усилиями в течение нескольких лет был выстроен в селе новый храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Несмотря на большую семью и стесненность в материальных средствах, он был одним из самых щедрых жертвователей в епархии. Горячо отозвавшись на призыв Церкви и Отечества о помощи, он собирал и пересылал пожертвования на нужды армии и флота во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. 8 апреля 1905 года епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) наградил его набедренником. В 1909 году отцом Иаковом было выстроено здание церковно-приходской школы в деревне Воронино³ Оренбургского уезда. С 1913 года он стал членом епархиального комитета Православного миссионерского общества. В 1915 году отец Иаков был награжден камилавкой. Во время начавшейся в 1914 году Первой мировой войны отец Иаков вместе со своими прихожанами щедро жертвовал на нужды воюющей армии.

В начале XX столетия Оренбургская духовная семинария оказалась в тяжелом материальном положении, что подвигло создать Общество вспомоществования ее нуждающимся учащимся, одним из деятельнейших его участников и щедрым жертвователем стал священник Иаков Маскаев. «Без помощи Общества, – писалось в то время в отчете ревизионной комиссии, – немало бедных воспитанников нашей семинарии не могли бы продолжать своего образования, а другие остались бы без необходимой обуви и одежды».

За ревностное пастырское служение отец Иаков был возведен в сан протоиерея и включен в состав епархиального управления. Среди прихожан и духовенства епархии он имел высокий авторитет и дважды, в 1918 и в 1923 годах, был избираем делегатом на епархиальные съезды, а когда в Оренбургской епархии было образовано Орское викариатство, он был вызван в Оренбург в качестве кандидата для рукоположения во епископа.

В январе 1923 года в Оренбурге состоялось собрание духовенства и мирян под председательством епископа Оренбургского Аристарха (Николаевского). На этом собрании абсолютным большинством голосов было решено кандидатом на Орскую кафедру избрать протоиерея Иакова и командировать в Москву для рукоположения в сан епископа. Узнав, что его хотят возвести во епископа, отец Иаков стал отказываться, указывая на то, что на его руках остались дети-сироты, трое из которых в несовершеннолетних годах, причем младшей дочери всего пять лет, а между тем от епископа в настоящий исторический момент требуется прежде всего исповедничество, и он должен быть готов к ссылкам и тюрьмам. На все возражения и слезные просьбы отца Иакова пронести мимо горькую в то время чашу архипастырского служения и взять сиротству детей ему было сказано, что у Бога нет сирот. Выслушав это, отец Иаков не стал возражать, решив вручить детей попечению Бога и Его Пречистой Матери. Вера его не посрамила: все дети дожили до преклонного возраста, пережив на много лет мученика отца; в пору гонений всем православным жилось нелегко, но они не могли о себе сказать, что им было труднее других. Благодать Божия за молитвы священномученика скрадывала тяготы и претворяла печали в радость.

Протоиерей Иаков был пострижен в монашество с именем Иаков в честь апостола Иакова брата Господня, и 1 апреля 1923 года рукоположен в архиерейский сан епископом Антонином (Грановским) и бывшим архиепископом Екатеринославским Владимиром (Соколовским-Автономовым), который заверил нарекаемого в сан епископа, что он находится в подчинении Патриарха Тихона и никогда не прерывал с ним общения.

10 мая 1923 года епископ Аристарх отбыл в Москву, оставив епископа Иакова на время своего отсутствия управляющим Оренбургской епархией. В том же году епископ Аристарх отпал в обновленчество; вместе с тем стало ясно, что епископ Антонин является одним из руководителей обновленчества, и по этой причине законность хиротонии владыки Иакова стала вызывать сомнения, и духовенство и паства пожелали, чтобы этот вопрос был разрешен Патриархом Тихоном.

22 июля 1923 года состоялось собрание православных священнослужителей города Орска и представителей от приходских советов градо-Орских церквей по вопросу хиротонии епископа Иакова, которое единодушно постановило: «Принимая во внимание неканоничность и безблагодатность ВЦС и принятой от него именуемым епископом Иаковым – бывшим протоиереем Маскаевым – хиротонии <...>, вменить в обязанность епископу Иакову с первым отходящим поездом отправиться в город Москву и явиться к Патриарху Тихону или его Заместителю для получения исправления в епископском сане и благословения от Святейшего на служение в городе Орске.

Кроме того, ввиду выдающихся нравственных достоинств и чистоты православия и той любви народа и духовенства, которую снискал епископ Иаков за кратковременное служение в Оренбургской епархии и в городе Орске, просить Святейшего Патриарха оставить любимого нами архипастыря в городе Орске, как

народного избранника и весьма ревностного деятеля на ниве Христовой, снабдив его установленной грамотой».

В соответствии с решением этого собрания 26 июля владыка Иаков из города Орска направился в Москву к Патриарху Тихону, но в вагоне поезда в Оренбурге был арестован следившими за ним сотрудниками ОГПУ и возвращен в Орск. Через некоторое время владыка вновь попытался выехать, но снова был арестован и возвращен в город.

5 августа 1923 года вновь состоялось собрание священнослужителей градо-Орских церквей с участием представителей приходских советов, на котором было заслушано сообщение владыки о его безуспешных попытках встретиться с Патриархом. Собрание постановило: «С епископом Иаковым в молитвенно-евхаристическое общение войти; просить его озаботиться получением от Патриарха Тихона соответствующей грамоты, свидетельствующей о его епископском достоинстве».

3 сентября 1923 года епископ Иаков отправил прошение Патриарху Тихону, в котором изложил обстоятельства дела и добавил: «Смиренно прошу не считать меня как карьериста <...>, а если я что и сделал по малоопытности, без злого умысла, то коленоприпадающе к стопам Святительским Вашего Святейшества умоляю простить меня недостойного и грешного, исповедую верность „до смерти“ Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, кормило коей в стране нашей Освященный Собор передал Вашему Святейшеству, рабски, как негодный раб, прошу, Ваше Святейшество, принять меня в общение; никаким обновленческим группам я не сочувствую и реформ в жизнь проводить никогда не буду без благословения Вашего Святейшества <...>. Снизойдите, Ваше Святейшество, к моей мольбе и исполните мою слезную просьбу. 26 июля я отправился к Вашему Святейшеству, но в вагоне в городе Оренбурге был арестован и возвращен обратно; собираюсь снова – но опять те же препятствия <...>. Но буду надеяться на помощь Божию. Согласно извещению архиепископа Серафима о спорности и неканоничности моей хиротонии, я добровольно, как крест, возложил на себя запрещение и теперь службу не служу».

Патриарх Тихон принял его в молитвенное общение, но предложил написать письменное заявление, что владыка не имеет ничего общего с обновленческим Синодом. Епископ Иаков выполнил требование Патриарха и написал заявление в обновленческий Синод, что не находится в его подчинении.

Владыку Иакова стали часто вызывать в ОГПУ, грозя арестом и предлагая стать секретным сотрудником. Видя, что властями созданы такие условия, когда он не сможет выехать из города для встречи с Патриархом, он, чтобы на время ослабить надзор за собой ОГПУ, заявил начальнику Оренбургского ОГПУ, что согласен на выдвинутые ОГПУ условия. Получив свободу передвижения, владыка сразу же выехал в Москву и первое, что сделал, – посетил Патриарха Тихона, который дал ему все необходимые документы, подтверждающие законность его хиротонии. По возвращении в Орск он был вызван к начальнику ОГПУ, который поинтересовался, зачем он ездил в Москву. Владыка ответил, что ездил за ставленнической грамотой.

13 января 1925 года обновленцы запретили епископа Иакова в священнослужении. После решительного отказа иметь какую бы то ни было связь с обновленцами епископ был вызван в ОГПУ, где ему было предложено наконец начать обещанное им сотрудничество с органами, в чем им была дана ранее соответствующая расписка, а также сотрудничать с обновленцами. Владыка

отказался от сотрудничества как с теми, так и с другими. Начальник ОГПУ попытался уговорить его, действуя то лестью, то угрозами, но владыка проявил твердость и не согласился идти на компромисс. Через некоторое время ему предложили встретиться для переговоров за пределами здания ОГПУ с одним из сотрудников, но он решительно от таких встреч отказался.

В это время епископ Иаков служил каждый день и за каждой службой проповедовал; в своих проповедях он старался в основном как можно полнее раскрыть содержание Евангелия, но нередко ему приходилось касаться и обновленческого раскола. Однажды владыку задержали, когда он ехал на богослужение. Уже звонили к службе, когда его привели в ОГПУ, где его ждал обновленческий священник. Сотрудники ОГПУ и обновленец стали требовать от епископа Иакова, чтобы он дал подписку, что не будет больше ничего говорить против обновленцев и вообще будет проповедовать реже. Владыка отказался, сказав, что проповедь – это уставная часть богослужения, а устав он отменить не может. На этот раз его отпустили. В храме между тем всеобщую службу не начинали до выяснения обстоятельств ареста епископа Иакова, и велика же была общая радость, когда епископ приехал и началось богослужение.

Учтя непреклонность позиции епископа, 19 марта 1925 года сотрудники ОГПУ арестовали его, обвинив в том, что он «в период времени 1918–1921 годов после богослужения в церкви произносил погромные проповеди <...>, что большевики – слуги антихриста, что главари Зиновьев, Троцкий и др. захватили власть народа вооруженной силой, разграбили церкви и монастыри, убивают священников и православных христиан, наложили на церкви непосильные налоги <...>. Одновременно <...> призывал верующих, чтобы они не позволяли своим детям вступать в РЛКСМ, а воспитывали таковых в духе христианском <...>. В селе Зобове Оренбургской губернии устроил торжественное богослужение (по случаю своего перехода от обновленцев к <...> Патриарху Тихону) и крестный ход без разрешения местной власти. Во время крестного хода доказывал верующим, что идея коммунизма есть не что иное, как ложь, которая должна погибнуть...».

Будучи допрошен, епископ Иаков виновным себя не признал. 13 ноября 1925 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к лишению права проживания в семи губернских городах и губерниях сроком на два года. Административную ссылку епископ был отправлен отбывать в город Самару, где сотрудники ОГПУ впоследствии составили на него следующую характеристику: «Упрямый, настойчив, категорически отказался выполнять наши поручения и на явки не являлся <...>. Как епископ среди верующих, и особенно среди монашествующих лиц, пользуется авторитетом и имеет на них влияние».

После ареста епископа Иакова его дети остались без средств к существованию, и в храмах города священники благословили во время богослужения устраивать тарелочные сборы на «архиерейских детей», причем дети сами иногда ходили с тарелочкой, и люди охотно им жертвовали.

13 ноября 1927 года ОГПУ разрешило епископу выехать с места ссылки и поселиться там, где он пожелает, но въезд в Москву и Московскую область ему был запрещен. В 1928 году владыка Иаков был назначен епископом Осташковским, викарием Тверской епархии. В Осташкове он прослужил около года и 6 февраля 1929 года был назначен епископом Балашовским, викарием Саратовской епархии.

В 1928 году в Балашове была арестована большая группа духовенства, в 1929 году ОГПУ снова принялось собирать сведения о священнослужителях и

верующих города, готовя новые аресты. Вскоре было арестовано пятнадцать человек – священнослужителей, монахинь и мирян. Среди них 13 февраля 1930 года был арестован и епископ Иаков. Всех арестованных поместили в тюрьму в городе Балашове.

В ОГПУ стали вызываться для допроса один за другим свидетели. Некоторые из них показали, что епископ Иаков, «являясь враждебно настроенным по отношению к советской власти, имеет тесную связь с монашеским элементом и реакционными церковниками, с коими <...> ведет беседы на дому, где он проживает; его квартиру очень много посещает не только городских церковников, но и приезжих, коим он дает советы для борьбы с мероприятиями советской власти и высказывает свое недовольство таковыми, <...> так, например, в одной из проповедей в кладбищенской церкви <...> Маскаев говорил: „Для нас, верующих, настало невыносимо тяжелое время, власть всюду нас притесняет; закрывая церкви, она оставляет нас, верующих, без куска хлеба; храм Божий – это наша духовная пища, а советская власть нас лишает этого“. Маскаев с приездом в Балашов объединил черные силы церковников из монашеского, торгового и чиновничьего элемента и является вдохновителем их в борьбе с советской властью».

Лжесвидетельствовали и отступники от веры – священники, снявшие сан. Один из них показал: «Мне, как бывшему священнику Преображенской церкви и бывшему благочинному города Балашова, хорошо известно, что кафедральный собор города Балашова являлся центром контрреволюционной церковной организации <...>. Квартиру епископа Иакова Маскаева стали посещать черносотское духовенство, реакционные церковники и монашеский элемент не только города Балашова, но и окрестных сел и районов за получением советов и обмена мнениями. Последний же, являясь вдохновителем контрреволюционной своры, в своих беседах и советах определенно восстанавливал посещающих его квартиру и подстрекал их против проводимых советской властью мероприятий. <...> В разговоре со мной по вопросу закрытия Преображенской церкви <...> сказал: „Гонения на Православную Церковь растут с каждым днем; несмотря на издаваемые законы, советская власть их сама же и нарушает, заточили сотни <...> невинных отцов духовных, грабят и разоряют народное имущество и преследуют верующих вплоть до заточения по тюрьмам – вот плоды завоеваний русским народом свободы“. Он же, Маскаев, в беседе с приехавшими крестьянами <...> по вопросу хлебозаготовок говорил: „Тяжелое настало время для народа, советская власть – власть рабоче-крестьянская, а своими мероприятиями разорила крестьянство, обобрала, что называется, дочиста, какой же крестьянин после этого скажет, что мне нужна советская власть“. Маскаев очень часто и много посещает монашек, коих он настраивал для обработки местного населения, особенно <...> в защиту церквей на случай кампании по закрытию последних, благодаря чему никому неизвестно то, что наряду с проводимыми кампаниями по закрытию церквей в округе имелся ряд случаев открытых выступлений верующих <...> против закрытия, вплоть до оказания сопротивления представителям советской власти и общественным работникам <...>. Во время произнесения одной из проповедей в соборе Маскаев, призывая верующих к сплочению для защиты религии, произнес: „Претерпевайте, верующие, все обиды, наш Отец, Иисус Христос, терпел за нас, а придет время, и вы возрадуетесь“».

4 марта 1930 года следователь допросил владыку Иакова, который, отвечая

на его вопросы, сказал: «В городе Балашове я проживаю с 15 марта 1929 года и служу в качестве епископа Балашовской епархии. За время нахождения меня в Балашове я близких знакомых, с которыми бы я поддерживал постоянное знакомство, не имел и не имею. В гостях я ни у кого не бывал, а также и у меня никогда никто не бывал. В отношении обращения ко мне со стороны верующих граждан о содействии их ходатайствам по вопросу незакрытия или вновь открытия церковей могу сказать следующее. Ко мне неоднократно являлись как члены коллектива верующих, так и члены церковного совета и просили у меня совета, как и перед кем им ходатайствовать, чтобы у них не закрывали церковей или, когда церковь была уже закрыта, вновь открыть согласно желанию верующих, на что я им предлагал обращаться согласно указанию митрополита Серафима^а в окружной административный отдел.

Летом 1929 года ко мне на квартиру пришла неизвестная мне гражданка, назвалась монахиней бывшего подворья Балашовского монастыря в Царицыне и просила меня сообщить, какого я церковного течения, кем назначен епископом Балашовским и какого я мнения о митрополите Григории Екатеринбургском. На это я ей ответил, что я православный, назначен митрополитом Сергием Нижегородским, что же касается Григория, то я его считаю отколовшимся от Православной Патриаршей Церкви. <...>

В отношении проповедей, произносимых мною почти после каждой моей службы, могу сказать, что в своих проповедях я исключительно касался евангельских тем, не сопоставляя их с современной жизнью и не касаясь в них современных политических и бытовых вопросов».

13 марта 1930 года следствие было закончено, и владыке было предъявлено обвинение. Ознакомившись с ним, он написал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, ибо антисоветской деятельностью я не занимался».

9 июня 1930 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Иакова и четырех обвиняемых к трем годам заключения в концлагерь, шесть человек были приговорены к трем годам ссылки, один – к тюремному заключению на четыре месяца, трое – освобождены с помещением под надзор властей на три года и ограничением выбора места жительства.

Епископ Иаков был отправлен в Соловецкий концлагерь и в конце июня 1930 года прибыл в пересыльный пункт в городе Кеми.

16 декабря 1932 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ распорядилось по окончании срока заключения в концлагере отправить епископа на три года ссылки на Урал. Однако были потеряны учетные документы, и ОГПУ некоторое время не знало, в каком именно лагере отбывает срок заключения епископ. 27 июня 1934 года Свердловское ОГПУ обратилось к своему руководству в Москву с сообщением, что епископ Иаков в Свердловск не прибыл, и просило объявить его во всесоюзный розыск.

Епископ Иаков между тем ни от кого не скрывался; сразу же после освобождения из лагеря он посетил Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и 4 апреля 1933 года получил от него назначение на Барнаульскую кафедру с поручением временно управлять и Бийской епархией. В 1935 году владыка был возведен в сан архиепископа.

Живя в Барнауле, он в скором времени стяжал любовь паствы своим

^а Александрова.

истовым богослужением, проповедями, христианским мужеством, которое живо напоминало мужество первых святителей-мучеников Церкви Христовой. Владыка служил каждый день. Учитывая, что нет возможности для преподавания Закона Божия, для богословских и литургических бесед, он завел в храмах порядок всенародного пения, чтобы научить народ сознательно воспринимать богослужение. Иногда он сам выходил из алтаря с посохом в руке к народу и давал знак, чтобы пели все. По городу и везде, куда бы владыка ни отправлялся, он всегда ходил в рясе, клобуке и с посохом, что в те годы было уже исповедничеством, так как вызывало среди некоторой части прохожих едкие замечания и насмешки. Святитель отличался крайней нестяжательностью и для богослужений имел только одно архиерейское облачение. На службы в городские храмы он всегда ходил пешком. В будние дни совершал богослужения по священническому чину, во время праздничных богослужений всегда сам выходил к народу и совершал елеопомазание. После окончания литургии всех благословлял независимо от того, много или мало было в храме народа. В это время всякий у него мог что-либо спросить и получить ответ. В Барнаул к нему вскоре приехала дочь Нина. Просыпаясь в два и в три часа ночи, Нина видела, с каким усердием он молился Богу. В эти годы его здоровье, сокрушенное заключением в тюрьмах и лагерях, пошатнулось, и в 1936 году он в сопровождении дочери выехал на лечение в Одессу. Когда после непродолжительного лечения владыка вернулся в Барнаул, ему стало очевидно, что близится новое гонение, и он завел себе сумку, в которой было собрано все необходимое на случай ареста.

Осенью 1936 года Управление государственной безопасности НКВД по Западно-Сибирскому краю приступило к реализации плана по закрытию церквей в крае и массовым арестам духовенства.

23 сентября 1936 года были арестованы и заключены в тюрьму в городе Бийске протоиерей Даниил Носков и мирянин Гектор Захарьин; 29 сентября был арестован священник Николай Пальмов. Все они согласились с требованиями следователей подписать лжесвидетельства, на основании которых было составлено впоследствии обвинительное заключение, обосновывающее аресты и преследования многих людей: «23 сентября 1936 года 4-м отделом УГБ НКВД по Западно-Сибирскому краю в Смоленском районе ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, возглавляемая барнаульским епископом Маскаевым Иаковом и благочинным священником Носковым Даниилом Матвеевичем.

Деятельностью контрреволюционной организации были охвачены Смоленский, Алтайский и Грязнухинский районы и города Бийск и Барнаул. В состав контрреволюционной организации входило 6 оформленных повстанческих ячеек с числом участников 28 человек <...>.

Организация подготавливала повстанческие кадры для вооруженного выступления против советской власти в момент интервенции <...>».

Спустя месяц, 29 октября 1936 года, основываясь на подобного рода лжесвидетельствах, власти арестовали архиепископа Иакова и заключили в тюрьму в городе Бийске.

– Вам предъявляется обвинение в том, что вы являетесь идейным вдохновителем и руководителем контрреволюционной повстанческой организации в Смоленском и других районах Западно-Сибирского края. Что вы можете показать об этом? – спросил его следователь.

– Виновным себя в этом не признаю, – ответил владыка.

– Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас как руководителя этой контрреволюционной организации.

– Я уже ответил на первый вопрос, что виновным себя не признаю. Я не был участником контрреволюционной организации.

25 декабря 1936 года архиепископу Иакову было предъявлено постановление об окончании следствия. Владыка отказался его подписать, сказав, что не признает себя виновным и поэтому подписывать постановление не будет. Допросы были закончены, и он был отправлен в камеру. Ему предстояло еще семь месяцев находиться в тюрьме. Несмотря на тяжелые условия заключения и длительность пребывания в узах в условиях полной неопределенности, не сулившей ничего доброго, архипастырь не унывал, подкрепляемый благодатью Святого Духа, дававшей ему силы переносить испытания.

Одновременно с ним были арестованы протоиерей Петр Гаврилов, священник Иоанн Можириин и инок Феодор (Никитин).

Священномученик Петр родился в 1879 году в деревне Уткино Зауринской волости Мамадышского уезда Казанской губернии⁴ в семье крестьянина Гавриила Гаврилова. В 1898 году он окончил учительскую семинарию в Казани и служил до 1903 года учителем. В том же году он поступил на миссионерские богословские курсы при Казанской духовной академии, окончив которые в 1905 году, был рукоположен во священника к Петропавловскому храму в селе Кырынды Елабужского уезда Вятской губернии⁵. В 1909 году он был переведен в Троицкий храм в село Челны того же уезда⁶, в 1919-м – перешел служить в Михаило-Архангельский храм в селе Тальменском Барнаульского уезда Алтайской губернии⁷, а в 1928-м – назначен настоятелем Богородице-Одигитриевской церкви в городе Барнауле. За безупречное и ревностное служение отец Петр был возведен в сан протоиерея.

Намереваясь арестовать священника, сотрудники ОГПУ в январе 1929 года в качестве лжесвидетелей допросили священников-обновленцев, которые показали: «В 1923 году Гаврилов вел усиленную агитацию против обновленцев, причем с целью дискредитации среди крестьянства советской власти. Он всегда говорил, что советская власть если говорит, что она отделила Церковь от государства, то на самом деле этого нет. Советская власть помогает обновленцам и через них хочет разрушить церкви православные и уничтожить в народе веру в Бога, призывал крестьянство ходить в церковь. Когда в Барнаульском округе появилось новое течение – Временный Высший Церковный Совет, Гаврилов как сторонник патриаршества повел усиленную борьбу против нового церковного течения <...>, в своей агитации он непременно упоминал советскую власть, говоря: „Поддерживаемое советской властью обновленчество не оправдало надежд советской власти, теперь по указке коммунистов создана организация ВВЦС с целью раздробить православие“ <...>. В феврале <...> 1928 года священник Гаврилов из села Тальменка переехал в город Барнаул и сразу же занял центральное место в сергиевщине». «20 января 1929 года я, будучи в Богородской церкви, остался послушать проповедь священника Гаврилова. Смысл проповеди Гаврилова сводился к следующему: <...> для Православной Церкви наступили тяжелые и опасные времена, среди Православной Церкви идет разделение на отдельные группировки, <...> на нашем разделении враги строят свое благополучие <...>. В своей проповеди Гаврилов, критикуя безбожие, говорил: „Сейчас со стороны безбожия идет попрание законов Божьих; мы же,

русские православные люди, должны твердо держаться своей православной веры, иначе наша Русь не будет <...> святой, а будет сбродом бродяг и иноверцев; в настоящее время все беды на русский народ свалились потому, что люди не стали слушать слова Божия и развратились <...>».

На основании этих показаний 2 февраля 1929 года ОГПУ арестовало священника, заключив в тюрьму в Барнауле. Затем следователи допросили служивших с ним священнослужителей и прихожан.

Заместитель председателя приходского совета Матвей Александров показал, что, «видя в священнике Гаврилове поборника православия, пригласили его на службу <...>. Как хороший проповедник, Гаврилов привлек в Богородскую общину много верующих. Никакой агитации против советской власти он в проповедях не вел, но всегда говорил и призывал верующих к покаянию, учил, как нужно устраивать свою жизнь – ближе <...> к Церкви <...>. Со священником Гавриловым у меня были разговоры насчет устройства церковной жизни, в этом случае Гаврилов всегда говорил, что для того, чтобы устроить лучше жизнь русского народа, необходимо организовать такие советы, которые бы ведали не только одним культовым имуществом, но заботились бы и об экономическом состоянии общины. Причем в таких разговорах Гаврилов иногда упоминал, что советская власть если формально и отделила Церковь от государства, то фактически советская власть не дает Церкви свободы и воли...».

Служивший вместе с отцом Петром священник Вячеслав Беляев показал, что отец Петр «в общине считается хорошим проповедником, говорит больше <...> о покаянии в грехах <...>. Он говорил, что жизнь русского человека зависит от того, как он будет относиться к Церкви, и что лучшая жизнь наступит только тогда, когда верующие сплотятся вокруг Церкви и будут относиться к делу Божию, как относились апостолы <...>. Священник Гаврилов считает, что обновленцы, признав советскую власть, изменили делу православия, по этому же пути пошли и григорьевцы. Даже сейчас так называемый Патриарший Синод, возглавляемый митрополитом Сергием, есть учреждение, созданное на уничтожение Православной Церкви, а потому признавать его нужно только потому, чтобы не навлечь репрессий со стороны советской власти. Высшей церковной властью как хранительницей православия надо признавать заключенных в узы советской властью патриарших местоблюстителей».

Диакон храма Алексей Омский сказал, что знает отца Петра «как вполне порядочного как во взаимоотношениях с причтом, также и с членами общины. Никаких контрреволюционных выступлений со стороны священника <...> не наблюдал, проповеди священника Гаврилова носили исключительно характер евангельских тем...»

Председатель церковного совета Павел Веремьянин сказал следователю, что отец Петр, «говоря о разделении Церкви на различные группировки, считал, что все эти разделения делаются правительством с той целью, чтобы легче было бороться с религией <...>. Проповеди священника <...>, по-моему, не были направлены против советской власти, в проповедях Гаврилов призывал к покаянию, говоря при этом: „Православные, молитесь, ибо дни настали лукавые, скоро придет суд Божий, который покарает грешников“. В некоторых проповедях Гаврилов, призывая верующих, упоминал о том, что жизнь народа в большей степени зависит от того, как он относится к Богу; что Бог на примерах наших революций учит людей, что революциями нельзя добиться справедливости, а к правде человечество подойдет только тогда, когда оно будет жить по Божиим

заповедям и тогда, когда церковные общины займут подобающее место в государстве. После выбора нового состава совета священник Гаврилов говорил мне, что после выборов нового состава церковно-приходского совета и по вступлении в свои обязанности по уставу полагается выбранным членам исповедоваться, приобщиться и отслужить молебен».

Вызванный на допрос, отец Петр сказал, что действительно говорил председателю церковно-приходского совета, чтобы «вновь избранные члены церковно-приходского совета исповедовались, приобщились и торжественно отслужили молебен <...>. Было бы полезно для Церкви <...>, чтобы церковно-приходские советы были свободны и устраивали церковную жизнь независимо от устройства государственной жизни».

5 апреля 1929 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Петра к трем годам ссылки в Сибирь, и он был отправлен в Нарымский край Томского округа.

Вернувшись через четыре года из ссылки, он стал служить в одном из храмов в городе Бийске. 1 ноября 1936 года отец Петр снова был арестован. 4 ноября состоялся первый допрос, а затем допросы продолжались в течение нескольких месяцев.

– Вам предъявляется обвинение в том, что вы являлись участником контрреволюционной организации, ставящей своей задачей свержение советской власти вооруженным путем в момент интервенции со стороны Японии. Что вы можете показать об этом?

– Виновным себя в этом не признаю, – ответил священник.

– Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас как активного участника повстанческой организации. Требуем от вас правдивых показаний.

– Я этого даже и в мыслях не имел и заниматься этими вещами не занимался.

Добиваясь от священника признания вины, следователь устроил ему очные ставки с теми, кто оговорил его и других, но мужественный пастырь категорически отверг их лжесвидетельства.

Священномученик Иоанн родился в 1870 году в селе Софьине Кирсановского уезда Тамбовской губернии⁸ в семье крестьянина Михаила Можирина. По окончании среднего учебного заведения он был рукоположен в сан священника. В 1931 году отец Иоанн был арестован и заключен в концлагерь. По возвращении из заключения он стал служить в храме святого великомученика и целителя Пантелеимона в селе Старо-Белокуриха⁹ Алтайского края. Вспоминая пятилетнее тюремное заключение, отец Иоанн как-то написал: «Измученный тюрьмой и страданьем, не раз я себе находил в глаголах небесных источник спасенья и сил».

Незадолго до нового ареста отца Иоанна постигло тяжелое испытание, о котором он написал 4 сентября 1936 года священнику Даниилу Носкову: «С самого начала поступления на Белокурихинский приход тяжелая картина, тяжелое впечатление отзывались в моей душе и сердце. Теперь казалось, что дело устроилось. В воскресные дни, а в особенности в великие праздники, когда больше бывает молящихся, стало раздаваться под сводами храма живое пастырское слово – об устройении жизни прихожан по заветам Христа. И в эти минуты мне чувствовалось, что мои уста глаголют от избытка сердца. Но, увы, наверно, не придется отслужить ни одной литургии, так как церковь требуют

освободить для засыпки хлеба, как и в прошлом году. Провидение снова оставляет меня без службы».

Через некоторое время он написал письмо незнакомому ему лично священнику, просившему за оставшегося без места пастыря. «Простите, что долго молчал с ответом на Ваше предложение, – писал отец Иоанн. – Я не знаю Вас, как и Вы меня, но знаю завещание Спасителя: „любить ближних как самих себя“. Быть может, из этого Божественного завещания и вылилось Ваше письмо ко мне с горячей просьбой за отца Василия <...>. Я очень и очень благодарен, что Вы приняли такое горячее участие в том, чтобы Старо-Белокурихинский церковно-приходской совет дал отцу Василию <...> гроши, хлеба и угол. Тяжелая картина, тяжелое впечатление отозвалось на моей душе. В Старо-Белокурихе сотни несчастных находятся в безвыходном, жалком положении – не имеющих себе никакого пропитания, ни угла, нетрудоспособных <...>. Отец Василий имеет свой угол в Бийске и огород <...>. Все пастыри Православной Церкви отдадут все свои силы, здоровье на благо Церкви. <...> Раньше была пенсия и пособия. Теперь стало не то. Следовательно, помощь мы можем себе находить в материальном положении, только лишь протягивая свою руку к верующим лично. <...> Мне пришлось пройти тюрьмы и лагеря, и вольную ссылку. И теперь лишь отслужить десяток Божественных литургий в селе Старо-Белокуриха под сводами святого храма; 13/IX его засыпали хлебом».

Спустя десять дней после закрытия храма, 23 сентября 1936 года, отец Иоанн был арестован и заключен в тюрьму в Бийске.

– Сколько времени вы жили в Смоленском районе? – спросил его следователь.

– В Смоленский район я прибыл после освобождения меня из лагерного пункта на станции Яя в 1933 году. Освобожден я был по инвалидности как нетрудоспособный. С 15 июля 1933 года я начал служить священником в Смоленском районе. Служил в селах Ново-Смоленское, Смоленское, Старо-Тырышкино, – ответил священник.

Допросы проходили в течение нескольких месяцев, но отец Иоанн категорически отказался признать себя виновным, несмотря на давление следователя и показания лжесвидетелей, и следователь, завершая допросы, сказал:

– Ваше поведение на следствии свидетельствует о вашей неискренности и желании запутать следствие. Вы не хотите давать следствию показания только потому, что скрываете остальных участников организации.

– Я уже сказал, что показания давать отказываюсь, так как ни в какой организации я не состоял и о ней не знаю, – ответил священник.

Преподобномученик Феодор родился 19 сентября 1877 года в селе Солдатском Елецкого уезда Орловской губернии¹⁰ в семье крестьянина Василия Григорьевича Никитина. В 1907 году он поступил послушником в Тихоновский Задонский монастырь Воронежской губернии, где подвизался до 1916 года, когда был призван в действующую армию и отправлен на австрийский фронт. После большевистской революции инок Феодор вернулся на родину в село Солдатское, где жили его отец и сестра с мужем. В 1930 году сестра с мужем были записаны в кулаки, имущество у них было отобрано, и они вынуждены были покинуть село; выселен был из дома и их восьмидесятидвухлетний отец, после чего ему пришлось жить милостыней крестьян.

В 1931 году инок Феодор был арестован вместе с группой крестьян.

Выслушав вопросы следователя, мужественный инок сказал: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. В Бога верую крепко до сих пор и готов умереть за Бога и Христа. Мероприятия советской власти я не разделяю, так как все они направлены на уничтожение веры в Бога, религии, храмов Божиих и святых мест. Все, что происходит сейчас, и сама советская власть есть лишь Богом данное наказание. В Святом Писании сказано: настанет время, народ пойдет на народ, появятся лжепророки, придет антихрист – все эти слова сбываются, такие времена действительно наступили.

Нам, грешникам, нужно больше молиться Богу, просить у Него прощения, как сказано в Писании: „великий грешник, но раскаявшийся получает прощение“, услышит Господь нашу молитву, простит людей и смутных времен, советской власти, не будет.

В колхозе я не состою и по своим убеждениям никогда не пойду: там учат безбожию, неверию, так говорил я и другим <...> – ни один верующий не должен туда идти <...>.

Никаких специальных сборов я не собирал и сам никогда на сборы не ходил, а беседовал с гражданами <...>, встречаясь на улице, около церкви <...>.

Я из дома выселен и постоянного места жительства не имею, хожу по дворам и проповедую слово Божие, а это я не считаю преступлением перед Богом, а как называет это советская власть, мне безразлично».

Инок Феодор был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь в Сибири, откуда был уже тяжелобольным досрочно освобожден и отправлен в административную ссылку в село Колбаны Грязнухинского района Западно-Сибирского края¹¹, где устроился в храме сторожем. 17 ноября 1936 года инок Феодор был вновь арестован.

– Вам предъявляется обвинение в том, что вы являлись участником контрреволюционной повстанческой организации. Что вы можете показать об этом? – спросил его следователь.

– В этом себя виновным не признаю.

– Вы говорите неправду. Следствие располагает бесспорными данными, изобличающими вас как активного участника организации.

– Никаким участником организации я не был и дать показания по этому вопросу не могу, – ответил инок Феодор.

7–9 апреля 1937 года состоялись судебные заседания выездной сессии Специальной коллегии Западно-Сибирского края. Обвиняемые, признавшие себя виновными и оговорившие других, стали выступать на суде с заявлениями, что сделали это по малодушию, из-за угроз и давления следователей. 9 апреля выездная сессия Специальной коллегии приняла решение: слушание дела отложить и направить материалы для дополнительного расследования в краевую прокуратуру.

Следователи НКВД стали вызывать и допрашивать новых «свидетелей», которые по отношению к обвиняемым были совершенно случайными людьми, они подписали показания, составленные для них следователями. Пока шло переследование, Сталин 3 июля 1937 года подписал указ о начале в стране массовых репрессий, причем теперь можно было выносить приговоры, включая расстрел, без судебного рассмотрения, административным решением троек НКВД. 25 июля 1937 года тройка при УНКВД по Западно-Сибирскому краю приговорила архиепископа Барнаульского Иакова (Маскаева), протоиерея Петра Гаврилова, священника Иоанна Можирина и инока Феодора (Никитина) к

расстрелу. Они были расстреляны через несколько дней, 29 июля 1937 года, и погребены в безвестной общей могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.1»

Тверь. 2016. С. 332–353

Примечания

¹ Такое число стоит в подписанных епископом Иаковом анкетах в судебноследственных делах; у митрополита Мануила (Лемешевского) в книге «Русские православные архиереи периода с 1893 по 1965 год (включительно)» день его рождения – 13 октября.

² Ныне село Зобово Шарлыкского района Оренбургской области.

³ Ныне поселок Воронино Шарлыкского района Оренбургской области.

⁴ Ныне деревня Уткино Мамадышского района Республики Татарстан.

⁵ Ныне село Крынды Аргызского района Республики Татарстан.

⁶ Ныне село Татарские Челны Менделеевского района Республики Татарстан.

⁷ Ныне поселок Тальменка Тальменского района Алтайского края.

⁸ Ныне село Софьино Гавриловского района Тамбовской области.

⁹ Ныне село Старобелокуриха.

¹⁰ Ныне село Солдатское Тербунского района Липецкой области.

¹¹ Ныне село Колбаны Советского района Алтайского края.